Культура. – 1995. – 22 апр. – С. 5

Валентина Гузарева, заслуженная артистка России

Загадка блокадного города

Ее не могли разгадать ни нацистские ученые, ни спустя десятилетия, другие ученые в ФРГ.

Я никогда не писала о блокаде (хотя просили), мало рассказывала о ней и ни разу не надела медаль "За оборону Ленинграда". Почему?

Рука не поднималась — слишком тяжелым остался след...

А сейчас решилась.

Гитлер и его ученые (медики, биологи) рассчитали, что если взять город в кольцо блокады и массированным ударом с воздуха уничтожить все продовольственные склады, то без всяких потерь с их стороны можно войти в **мертвый город** в декабре 41-го. А главное, после этого три армии направить на взятие Москвы.

И настала ночь: огненный, ревущий небосвод обрушился на город!..

Все выскочили на улицу и застыли в ужасе – психологический шок (ни криков, ни истерик), кругом взрывалось и горело...

Уничтожены все продовольственные склады, впереди черная осень, лютая зима. Без отопления, без воды, без канализации и **голод**.

Проходили месяцы. Умирали много.

Но город жил и держал оборону.

В чем дело?! Нацистские ученые не нашли ответа – тупик.

Спустя десятилетия уже в ФРГ другие ученые снова вернулись к этому чуду, и опять – тупик. Не должны были выжить!

И тогда наши писатели Алесь Адамович и Даниил Гранин (боец Ленинградского фронта) решили изучить этот вопрос с психологической точки зрения. Они пошли к блокадникам, разыскали дневники и написали потрясающую "Блокадную книгу", в которой открыли **запредельные возможности** человеческого организма.

Нам должно быть это знакомо – они, эти возможности, проявляются в экстремальных ситуациях и на короткий срок. Но на такой период!.. Откуда они взялись? Изучив материалы, писатели пришли к выводу: выживали те в основном, кто был одержим какой-то задачей, целью. А они были ясны – **удержать город любой ценой**. И цена была великой (более миллиона ленинградцев захоронены, не считая кремированных). Умирали и прощались с близкими – тихо, без слез, молча.

И вспомнилось мне, как однажды перед войной в класс вошла любимая учительница – она вся сияла. "Ребятки, – сказала она, – вы можете меня поздравить, я вчера видела спектакль МХАТа "Вишневый сад". Это такое явление! Невероятно, но я чувствовала запах цветущего вишневого сада". Спустя несколько лет я, уже будучи в театре, рассказала об этом Вадиму Васильевичу Шверубовичу (заведующему постановочной частью). Он тут же оживился: "Ну конечно, ведь мы в Ленинграде пускали этот запах". И продолжал: "Гастроли в этот город в те времена были большим событием, и мы готовились к ним заранее: обновляли декорации, костюмы, актрисы шили новые туалеты... А как же, такой город, такая красота и белые ночи... Мы почти не спали. А какой зритель самый тонкий и благодарный, но и самый строгий. Это особый зритель". "Особые люди". Мне не раз приходилось слышать эти слова.

– Может быть, и правда были в чем-то особые. Ведь жили в этой красоте, впитали ее и дорожили ею.

И, может быть, поэтому с начала войны, когда кольцо блокады сжималось, город бомбили, никто, кроме учреждений, заводов, и не думал бежать. Наоборот, все от мала до велика бросились спасать город – с утра до ночи рыли окопы, рвы, несмотря на самолеты, пулеметные очереди и листовки: "Девочки и дамочки, не копайте ямочки, придут наши танки, зароют ваши ямки", а то "Сдавайтесь или погибнете". А как спасали красоту! Срочно маскировали купола; памятники, скульптуры увозили, закапывали, закладывали мешками с песком, ими закладывали витрины всех магазинов. Я не слышала о разбитых витринах и грабежах. И подумалось мне сейчас, когда много говорят о пророческих словах Достоевского – "Красота спасет мир", – может, это и сбылось, хотя бы частично, в блокадном Ленинграде?

И еще: не могу забыть Ленинградское радио – оно было как **набат**!

Из репродукторов рвались, попадая в самую душу, стихи Ольги Берггольц.

А Всеволод Вишневский! Как он говорил! Его речи, как снаряды, били в самое сердце.

И люди были готовы на все.

Сразу почти все мужчины ушли в ополчение, девушки – девчонки, им и 16 лет не было, — на курсы медсестер (моя сестра, соседка, которая погибла). Ушли на фронт две родственницы и подруга – тоже погибла.

А что же я? Для меня не было ничего страшнее немецкого плена, он преследовал меня многие годы (в кошмарных снах и криками по ночам).

Почти сразу после окончания школы я пошла работать на оборонный завод № 810, в самый тяжелый – штамповочный – цех. Вручную, ударами кулаков по педалям штамповали детали для взрывателей (их было более 30).

Две смены по 12 часов. Почти единственное оружие, которым оборонялся город, – ручные гранаты.

И работали из последних сил, теряя сознание, но подходил мастер с ведром и поливал голову... Волосы замерзали в сосульки.

Особенно трудной для меня была ночная смена (не могла днем спать), да еще ночные бомбежки, а я была бойцом пожарной команды. По сигналу тревоги, надев пожарную каску и рукавицы, вместе с подругой быстро поднимались по пожарной наружной лестнице на крышу завода сбрасывать клещами зажигательные бомбы. Самолеты со свастикой летали так низко (их нечем было сбивать), что видно было все – даже лица. И когда открывался люк, сбрасывающий бомбы, мы тут же падали плашмя на крышу, чтобы не снесло воздушной волной, и в то же мгновение из груди вырывалась песня. Это единственное оружие, чем мы могли защититься: петь, кричать до хрипоты, чтобы заглушить страшный вой и взрывы бомб. Они падали кругом и на завод тоже.

И что уж совсем было невмоготу, так это возить воду с Невы для столовой. Горячий кипяток вместо еды. Иногда варили "хряпу" (капустные отбросы, кочерыжки). Итак, мы, четыре девушки, запрягались в сани, на них – две бочки с черепками и отправлялись в путь. Из проруби на обжигающем морозе (под 30°) наполнить бочки!.. Ох, как трудно! А еще труднее втащить их на берег, две впереди – две сзади, вода выплескивалась и замерзала на нас ледяным панцирем.

Однажды, выбившись из сил (нас осталось трое), мы привезли воду из речки Карповки (она рядом). И что было! Врач проверила и закричала: "Выпить котлы!". И к нам: "Где брали?!". Мы сказали. "Это же сточная канава, там все!" — кричала она.

Меня никогда не покидала мысль, что город держался на девушках и женщинах (на весь цех – один мужчина). Они делали все: штамповали, ворочали неподъемные ящики, скалывали ледяные глыбы, собирали трупы.

Зима 1941/42 гг. была самой страшной!

Откуда брались силы? По рабочей карточке давали на 100 граммов больше "хлеба" (опилки, целлюлоза, мука), я делилась им с мамой. Ей иногда удавалось добыть кусок лошадиной шкуры, несколько плиток столярного клея – варили, ели.

А иногда спасала жизнь какая-нибудь малость. Как-то я шла по улице, а на парапете сидела женщина и боролась со смертью – запрокидывалась голова, глаза закатывались, из-под полы пальто выбивался [illegible] Я остановилась. Спро[illegible] до дома, она отве[illegible] Обхватив друг друга, м[illegible]

На первом этаже в кв[illegible] мы остановились. Абсол[illegible] тьма. Я крикнула: "Кто-ни[illegible] живой есть?!". Кто-то ответил. Я опять крикнула: "Дайте горячей воды – соседка умирает!".

А через некоторое время я встретила эту женщину – тот же платок на голове, валенки и белый халат из-под пальто. И теплее на сердце стало. Иногда какая-нибудь случайность помогала выжить.

Ну а главное – это, конечно, молодость!

Эмоциональный заряд был основным двигателем – нельзя было остановиться: фронту нужно оружие!

И вот что еще запало в душу.

Как-то утром, после ночной смены, я шла среди сугробов домой. И вдруг чей-то слабый голос – "Графиня", – голос повторился. Я остановилась, на другой стороне улицы стояла девушка – вместе учились. Постояли молча, помахали рукой и пошли в разные стороны, едва передвигая ноги.

"Голос из далекого прошлого", – как давно это было, а прошло-то всего полгода. Выпускной школьный вечер, и я, совсем другая, счастливая. У меня направление в театральный институт (без конкурса).

Наш драмкружок занял 1-е место по городу, в нем я играла Графиню из "Пиковой дамы" и вместе с направлением сразу получила прозвище у педагогов и учеников.

А спустя три года я была принята в Школу-студию МХАТа (с 1-го тура вне конкурса).

Потом МХАТ, а рядом с ним делал первые шаги "Современник". Он начинался с ночных репетиций – их-то я и не вынесла (а репетировала блокадницу в спектакле "Вечно живые").

Подорванное здоровье мешало мне всю жизнь.

И закончу словами Маргариты Алигер:

Всей силой ненавидя и любя,
Мы воевали с бедами своими
И побеждали мы самих себя
Одной победы
истинной во имя!

С великой датой поздравляю всех!

● *Хлебная карточка на декабрь 1941 г. Дневной рацион хлеба составлял в ноябре и декабре 1941 г. 125 г (примерно [illegible] ка).*

● *Доставка продово[illegible] селению Ленинграда [illegible] мерзшего Ла[illegible] зима 1941/42.*